

ПРОБЛЕМЫ ТЕРМИНОЛОГИИ

О. Н. КВАСОВ

ДЕФИНИЦИОННЫЕ КАТЕГОРИИ И ПОНЯТИЙНЫЙ АППАРАТ РОССИЙСКОГО РЕВОЛЮЦИОННОГО ТЕРРОРИЗМА*

В статье рассматривается проблема определения сущности и содержания феномена революционного терроризма в Российской империи второй половины XIX – начала XX в. Автор понимает терроризм как способ социально-политической борьбы, включающий в себя систематическую эскалацию насилия на микроуровне с целью решить макропроблему. В данном определении за основу берется активная направленность терроризма на насилие. Предложенное определение универсально по своему значению для всех видов террористической преступности, в том числе государственной, и позволяет отделить от них единичные криминальные деяния. На основе социально-деятельностного подхода характеризуются основные элементы террористической деятельности революционеров, предлагается оригинальная версия исторической эволюции терроризма. Многообразие «средств и методов террористической борьбы» объясняется не только обширной разновидностью объектов и предметов, на которые насилие направлено, но и многочисленностью видов и способов политического экстремизма.

Ключевые слова: *террористическая деятельность, революционный терроризм, субъект и объект терроризма, Российская империя XIX–XX вв.*

Несмотря на длительную историю и многочисленность наук, изучающих терроризм, до сих пор не удается выработать оптимальное определение такого способа политической борьбы. Причины этого связывают с политическими и юридическими разногласиями, различием выделяемых дефиниционных элементов и с обширным смысловым содержанием самого явления. В данной статье, автором предпринята попытка конкретизировать историческую эволюцию, сущность и формы проявления российского революционного терроризма XIX–XX вв.

Само слово «террор» и производные от него понятия могут трактоваться в философском, морально-этическом, психологическом, политическом, социальном и прочих смыслах. Но наиболее часто «террор» употребляется в политическом значении слова. В таком случае, он может рассматриваться и как характеристика общественно-политических

* Статья поддержана грантом РГНФ № 14-01-00351 «Эволюция террористической деятельности революционеров Европейской России (вторая половина XIX–XX вв.)».

взаимоотношений, основанных на страхе, и как способ, тактика и стратегия политической борьбы («терроризм») организаций и группировок разной направленности.

Границы понятия «терроризм» размыты и нечетки вследствие динамического характера явления, что обусловлено меняющимися социально-политическими обстоятельствами, формой государственного устройства и политической конъюнктурой. Большинство исследователей под «террором» подразумевают политику или направленность действий, ориентированную на преимущественно или исключительно силовое, насильственное решение проблем. Амплитуда использования силовых действий при этом может быть различной – от единичных акций (убийство), нацеленных на опосредованное или персонифицированное давление и воздействие, до массовых репрессивных действий (принятие дискриминационных государственных актов) или полное физическое уничтожение противника. Современные СМИ частым и нередко безосновательным употреблением слова «террор» значительно расширили содержание понятия.

В своем исследовании мы понимаем терроризм как способ социально-политической борьбы, включающий в себя систематическую эскалацию насилия на микроуровне с целью решить макропроблему. В данном определении за основу берется активная направленность терроризма на насилие, что встречается абсолютно во всех его проявлениях, систематичность, заключающую в себе упорядоченное использование террористических актов, что возможно лишь при определенной организованности, и попытку с помощью террора решить основную (глобальную) проблему за счет второстепенных, субъективных факторов: убийство лидеров, искусственная дестабилизация управленческого аппарата, всеобщее устрашение и др. Предложенное нами определение универсально по своему значению для всех видов террористической преступности, в том числе государственной, и позволяет отделить от них единичные криминальные деяния. Основой этого выделения является систематическая организация преступных действий и акцентированное использование их в отношении наиболее уязвимых, «слабых» мест противника. Именно фиксация «систематической организации» преступной деятельности позволила бы избежать двусмысленного толкования, гиперморализма, политической ангажированности и разграничить уголовные и идеологические преступления.

Начало современного активного использования террористического лексикона связано с политическими событиями во Франции конца

XVIII в.¹ Первоначально террор вошел в употребление как политика правящей партии или государства базирующаяся на акцентированном массовом использовании репрессий и насилия против личности или противостоящей антигосударственной группы. Тогда же и в таком же значении появился английский вариант этого слова – «терроризм».

В современном значении эти два понятия, террор и терроризм, принято различать. Террор является инструментом государственной политики и осуществляется в форме массовых репрессий, тогда как терроризм означает некую негосударственную, революционную или другую, но оппозиционную деятельность, как следствие, намного меньших масштабов, но более избирательную и конкретную. Такой точки зрения придерживается большинство современных исследователей феномена терроризма. В то же время, сущностная грань между террором и терроризмом, заключающаяся в веками «апробированном алгоритме управления социумом»², предельно условна. В нашем исследовании эти два понятия используются как синонимичные.

Террористический разгул периода Первой российской революции (1905–1907) породил и массовое злоупотребление этими словами. Терроризм становится обычным, «бытовым явлением», к концу революции его использование все более смещается в сторону характеристики уголовных преступлений, а широта употребления слова – вплоть до кличек животных³. Этому способствовала не только боевая активность революционеров и криминализация терроризма, но и опять же, неопределенность с понятием. В энциклопедическом словаре Брокгауза Эфрона «террором в России» называлась система борьбы против правительства, состоявшая «в организации убийств отдельных высокопоставленных лиц, а также шпионов, и в вооруженной защите против обысков и арестов»⁴. Такое энциклопедическое объяснение было не только неполным и не конкретным, оно было по существу не определено. Однако кроме публицистов, ученых и общественных деятелей, которые не имели четких представлений о терроре, та же проблема была и у сотрудников правоохранительных органов. В нормах принятого 22 марта 1903 г. Уголовного Уложения отсутствовало упоминание терроризма и производных от него слов, а «посягательство на жизнь, здоровье, свободу и неприкосновенность», т.е. основную фор-

¹ Одесский, Фельдман 1997. С. 40-61.

² Там же. С. 10.

³ Могильнер 1997. С. 6.

⁴ В. В-в. Террор в России... 1907. С. 753.

му террористического насилия, трактовали только применительно к особе императора и его семье. Неопределенность в категориях, терминах и самих фактах видна по инициированным ДП и другими ведомствами сборам «сведений о жертвах революционного террора», «количестве пострадавших чинов ДП от террористических нападений» и т.п. данных. Результаты и переписка показывают, что каждый раз ведомствам необходимо было конкретизировать и уточнять о чём, какого состава преступления и какие сведения хотят они получить.

Такая содержательная неопределенность терроризма была в интересах как правительства, которое по положениям военно-полевых судов под высшую меру наказания могло подвести, без дознавательных и следственных мероприятий, руководствуясь лишь антитеррористической и охранительной доктринами, огромный спектр уголовных и государственных преступлений, так и в интересах антиправительственных сил, которым от имени Революции позволяло творить беспредел и самосуд.

В терроризме, как форме политического оппозиционного насилия, можно выделить несколько этапов исторического развития. Это, во-первых, тираномахия (монархомахия, тиранид, цареубийство), под которой подразумеваются убийство правителей, глав государств, диктаторов⁵. Известная персонификация и авторитаризм политической власти в Древнем и Средневековом мире, как в определенной мере и сейчас, создает предпосылки для решения политических задач при помощи физического уничтожения первых лиц государства. Для этого не требуются сколько-нибудь многочисленные организации, а достижение цели зачастую приводит к кардинальным политическим последствиям. Моральная ответственность убийцы искупается общественной целесообразностью и пользой этого преступления. Это неоднократно отмечали исследователи, указывая, что к первым известным нам тираномахам можно отнести афинян Гармодия и Аристокитона, в 514 г. до н.э. покушавшимся на тиранов-братьев Писистратидов. Заплатившие своими жизнями, убийцы были увековечены и канонизированы греческой демократией. Убийство тиранов на века вошло в арсенал политической борьбы как универсальное средство⁶. Трудно отказать угнетаемому народу в праве на насилие, даже великий богослов и философ Фома Аквинский в своем произведении «О правлении властителей» полагал, что в случае злоупотребления властью, народ имеет право при помощи лю-

⁵ Рязанов 2006.

⁶ Слинько 2006. С. 9-30.

ных средств убрать монарха. В российской истории примеры тиранцида имелись на всем ее протяжении. В ходе боярских заговоров были убиты владимиристо-суздальский князь Андрей Боголюбский (1174) и царь Лжедмитрий (1606), в ходе дворянского переворота погиб император Павел (1801). В планах государственного переворота декабристов царевубийству также уделялось большое внимание.

Во-вторых, этап индивидуальных покушений на политических деятелей (аттентат), что сопряжено с известной и подчас очень большой ролью «серых кардиналов», регентов, канцлеров и других государственных деятелей, которые от имени правителя осуществляют власть или оказывают большое влияние на политический процесс. Их устранение подчас имеет не менее определяющее значение в политике, а осуществить покушение значительно легче. В российской и мировой истории аттентат активно практиковался в период позднего Средневековья, особенно в XV–XVI вв.

И, в-третьих, последним этапом развития, является, собственно, терроризм как форма деятельности, ориентированная на совершение упорядоченного насилия в отношении противников, что реализуется уже при помощи организации планомерных действий специальных отрядов и боевиков.

Террористические тенденции существовали в политике издревле и маловероятно, что в ближайшем будущем исчезнут. Несмотря на многочисленные и разнообразные антитеррористические мероприятия, количество терактов, жертв и разрушений не уменьшается, более того, очевидна тенденция к увеличению общественной акцентуации терроризма, что, помимо прочего, связано с ростом влияния демократических институтов, на которые пытаются воздействовать и террористы. Современные террористические акции, в своем подавляющем большинстве, призваны оказывать влияние на правительство через общественное сознание. Массовая реакция на теракты, порождающая критику и недоверие власти, более достижима и реалистична для террористов, чем иллюзорная цель дестабилизации сложного государственного аппарата. В основе этой общественной реакции лежит очевидная неспособность государства и правительства обеспечить безопасность граждан. Кроме того, реагируя и принимая меры против терроризма, правительства подчас совершают «двойной террор» по отношению к населению. Ужесточая контроль, вводя новые правовые меры пресечения и расширения полномочий силовых структур, власть вслед за террористами усугубляет конфликтную ситуацию и втягивает в нее новые слои населения, к чему террористы и стремятся.

Целесообразно связывать развитие терроризма современного типа с появлением политических партий в конце XVIII века. Именно партии, с правильно оформленной структурой, организационным механизмом, значительными финансами, общественно значимыми идеями и самоотверженными сторонниками способны организовать планомерные террористические действия. Политические партии отдельно проявляемые акты социальной и политической агрессии в состоянии упорядочить и оформить в виде солидарного движения и деятельности, придав им соответствующие направленность и систематичность, а имеющийся спектр причин индивидуальной агрессии, консолидировать в совокупность революционных факторов. Таким образом, осуществляемая политическими партиями террористическая деятельность становится важным обстоятельством в политическом процессе и борьбе. Происходит институализация преступного политического насилия, его «легитимизация, сопровождающаяся установлением нормативных, сетевых, административных характеристик»⁷. Именно с позиций упорядоченности, а не импульсивности необходимо рассматривать и террористическую деятельность.

Террористические приемы борьбы обладают широким спектром силового воздействия. Возможности в теракте регулировать силу, масштабы и характер нападения создают универсальность эксплуатации террора. Выбор направленности агрессии зависит от многих факторов и обстоятельств. Повлиять на него может образ жизни объекта нападения, предмет конфликта, организационные и технические ресурсы террористов, ожидаемые от теракта результаты и многое другое. Общественный резонанс различных видов террористического воздействия далеко не одинаков. В зависимости от целей террористов и значимости объекта терроризирования, нападение может иметь как индивидуальный характер, так и быть адресованным социальной группе или всему обществу, быть символическим или целесообразным. Анализируя масштабы терроризма, В.В. Витюк и С.А. Эфиров предложили различать непосредственный объект насилия и целевой объект воздействия террористов⁸. В первом случае, это конкретные материальные объекты и граждане, во втором – политические режимы и их структуры, характер социальных, правовых или иных отношений. В свою очередь, доктор юридических наук Ю.С. Горбунов конструктивно замечает, что «объект террористических устремлений имеет сложную структуру и состоит из объекта

⁷ Кузина 2009.

⁸ Витюк, Эфиров 1987. С. 55.

воздействия (физическое лицо, их группы или организации, материальные объекты), объекта управления (тот или те, кто может принять решение и совершить действие либо бездействие, необходимые террористам) и объекта посягательства (общественные отношения, охраняемые международным и (или) внутригосударственным правом)»⁹.

Во второй половине XIX – начале XX в. экстремисты использовали физическое, экономическое и морально-психологическое воздействие на объекты терроризирования. К физическому воздействию относят прямое, контактно-силовое давление на объект агрессии с целью его уничтожения или нанесения физического вреда. Упрощенная точка зрения на террор только как физическое воздействие, выделяя в качестве террористических действий меры индивидуального насилия и причинение вреда жизни и здоровью жертвы, значительно сужает понимание терроризма. Как показывает практика, к покушениям на жизнь террористы прибегают лишь после безрезультатных попыток морально-психологического или экономического давления.

Экономическое воздействие подразумевает нанесение материального или финансового ущерба объекту терроризирования. Этот способ обладает важной для террористов возможностью силового регулирования агрессии, позволяет дозировать уровень насилия на объект и использовать его как опосредованное средство воздействия. Многообразие видов собственности дает возможность выбрать наиболее легкодоступные и одновременно значимые объекты для терроризируемого, повреждая или уничтожая которые можно заставить принять условия необходимые преступникам.

Наиболее часто используемым видом воздействия является морально-психологическое давление. Связано это с тем, что физическое и экономическое терроризирование всегда сопровождается морально-психологическими последствиями. Но и как самостоятельный вид воздействия оно часто практикуется. Спектр способов психологического нажима на объект терроризирования настолько широк, что его просто невозможно охватить. Обычно и наиболее востребованными являются вербальные и письменные угрозы, демонстративные и вызывающие акции хулиганства, огульная критика и проч.

Перечисленные виды террористического воздействия осуществляются при помощи ряда целенаправленных силовых мер, которые реализуют одну из террористических стратегий: уничтожение объекта,

⁹ Горбунов 2010. С. 37.

парализация деятельности, изменение программы действия или провоцирование неадекватных действий объекта.

Российская революция использовала всевозможные виды и методы силового воздействия на самодержавную власть и общество. Глубокие социальные причины политического столкновения объясняют разнообразие форм революционно-террористической борьбы. Систематизируя революционный терроризм в Европейской России на рубеже веков по наиболее существенным признакам, можно предложить следующую его типологию.

По объекту террористического насилия, профессиональной или социальной характеристике жертв, в партийной литературе часто выделяли полицейский, армейский, тюремный и политический террор.

По общественной сфере реализации различали политический, экономический (аграрный, фабричный, экспроприации) и социальный («безмотивный» или антибуржуазный) террор. Последний тип терроризма постулировали некоторые сторонники анархизма («чернознаменцы»¹⁰), и представлял он собой организационно не оформленную, но постоянно, при всякой возможности осуществляемую физическую агрессию к любым объектам и субъектам буржуазного мира. Политический террор, в свою очередь, подразделяли на «центральный террор» (терроризм против государственных чиновников высшего уровня и собственности), терроризм против местных чиновников и собственности, и против частных (физических) лиц и собственности. В виде исключения, выделяли внутривнутрипартийный террор, задачей которого являлось очищение партийных рядов от предателей и провокаторов, и партийный террор, направленный на деятелей противоположного партийного лагеря. В понятие экономический террор принято включать разнообразные формы его проявления в аграрной и фабричной сферах. Под этим общим термином понимали и теракты, организованные революционными группами, и традиционные формы экономической борьбы крестьянства и рабочих, что естественно вызывало и вызывает путаницу и неопределенность. Стоит учитывать, что «неточное отражение существа революционного движения» в этих понятиях допустимо «лишь для удобства изложения»¹¹ и как форма терминологии современников. Помимо этого, к экономическому террору относили и партийные экспроприации¹², под которыми подразумевалась «насилие-

¹⁰ Течение в российском анархизме, сгруппировавшееся в декабре 1905 г. вокруг журнала «Черное знамя». Лидер – И.С. Гроссман-Рощин.

¹¹ Павлов 1989. С. 21.

¹² Perrie 1982. P. 69-70, 72.

ственная конфискация денежных средств или имущества на революционные нужды»¹³. В условиях революционных потрясений начала XX в., экспроприации получили обширную практику, разнообразнейшее развитие по формам и видам, а также значительно расширили мотивационные основания своего использования.

По субъектности выделяли: партийный, кустарный (не имеющий систематической партийной организации), инициативный (осуществляемый по личной инициативе отдельными революционными представителями) и полукриминальный (псевдореволюционный) террор. В партийном терроре на основании структурно-функционального признака различали центральный (общепартийный), региональный (областной), местный и партизанские действия.

Частым критерием, на основании которого различают террористические проявления, является признак партийности, соответственно разграничивают народовольческий, эсеровский, анархистский, разные виды националистического, социал-демократического терроризм и проч.

Очевидно, что критерием типологии могут являться разнообразные признаки. Представленные типы революционного терроризма имели распространение преимущественно в начале XX в., некоторые из них используются и сегодня, хотя разновидности, арсеналы средств и методов современных террористов значительно расширились.

Террористическая деятельность подразумевает комплекс организационных мер и систему управленческих структур, нацеленных на реализацию партийных программ посредством упорядоченного насилия. Внешне осуществляясь в индивидуальных поступках (террористических актах) и действиях, терроризм представляет собой сложную структурированную деятельность, выполняемую десятками и сотнями боевиков и революционеров. В основании террористической системы можно выделить следующие наиболее важные подсистемы:

— организационно-управленческая, которая осуществляет разработку планов покушения, содержит необходимые структуры и звенья руководства разнообразными функциями и элементами деятельности;

— материально-техническая, включает полное финансовое, техническое и материальное обеспечение подготовки теракта, его осуществление и последующую легализацию участников;

— кадровое обеспечение, отвечает за рекрутирование и подготовку необходимого количества и качества боевиков;

¹³ Квасов. 2011. С. 62.

— информационно-разведывательная, осуществляет сбор необходимой информации об объекте нападения и последующее информирование партии и общественности о результатах теракта (комплекс информационного сопровождения);

— боевая часть, представляет собой меры непосредственной реализации боевых планов;

— контрразведка и охранное обеспечение, курирует вопросы конспирации и противодействия правоохранительным органам.

Имея длительный генезис развития, определенную видовую изменчивость, сложную структурную организацию и зависимую от многих факторов результативность, террористическая система приобретает и классические синергетические качества – стремление к автохтонности (самодостаточности), что проявляется в постоянных попытках обособления (как идейных, так и организационных) террористов от общепартийных структур; росте вширь и вглубь, проявляющемся в стремлении расширить масштабы и формы насилия, с чем связывается залог успешности террористической деятельности и что обуславливает рост взаимного насилия («кровавая воронка»); в энтропийном усложнении структуры, что выражается в прямой взаимосвязи количественного и структурного роста террористических организаций с продуктивностью их деятельности, и обратно пропорционально вероятности конспиративных провалов этих организаций.

Конструктивные попытки представить сущность, состав и содержание террористической деятельности отражены, в первую очередь, в работах сотрудников силовых структур и правоведов Ю.С. Горбунова, Н.Д. Литвинова, К.Н. Салимова, С.Г. Барышникова. Научная структура деятельности, предложенная отечественными психологами М.С. Каганом, М.М. Кветным, М.В. Деминым, позволяет достаточно полно охарактеризовать и деятельность террористов. К основным элементам структуры отнесены: субъекты и объекты деятельности, мотивы и цели субъектов, средства и методы достижения цели, активность и результативность деятельности.

Данные два подхода, системный и деятельностный, дают возможность проанализировать все механизмы и процессы террористической деятельности, представить в максимально полном виде её причинность и факторность, проиллюстрировать реальное воплощение тактики и стратегии террористической борьбы. Каждый из элементов деятельностной структуры имеет своё содержание, особые характеристики и качества функциональности, отражает взаимосвязи с другими структурами. Характеристика деятельности позволяет выделить как

единичные (личностные), так и массовые (социальные) процессы, без чего исторический анализ общественных явлений, каковым является терроризм, не может быть полным.

К «субъектам террористической деятельности» относят индивидуальных и коллективных участников, боевые и вспомогательные подразделения, управленческие и организационные структуры разного уровня и подчиненности. Анализ этого элемента конкретизирует участников борьбы, выясняет реальность и обоснованность боевых планов партийных комитетов. «Объектами террористической деятельности» считаются не только жертвы и предметы террористических актов, их социальные, статусные и прочие характеристики, но, в первую очередь, общественные отношения. Имея эмоциональную ангажированность, персонифицированный характер, терроризм скрывает массовые процессы. Акцентируя внимание на этом, специалисты международного права А. Бриллиантов и В. Бурковская обоснованно отмечают, что современный терроризм это, в первую очередь, социальное явление, а различного вида теракты лишь формы его проявления¹⁴. Индивидуально-террористическая деятельность является социальным продуктом, анализ которого имеет большое общественное значение. «Как социальное явление терроризм представляет собой идеологию, политику и социальную практику общественных сил (индивидов, групп и институтов), ориентирующихся на нелегальные насильственные формы изменения общественного и государственного строя»¹⁵, такое представление о терроре поддерживает большинство правоведов и социологов¹⁶. Социологические сведения об объектах террористического насилия позволяют выяснить размах и направленность террористических атак, сопоставить партийные программы с их реализацией, декларируемые комитетами цели и реальное их воплощение, обнаружить соотношение и взаимовлияние политического и социального в партийной деятельности.

Под структурной категорией «мотивы и цели субъектов» понимаются положения партийных программ, а также стратегические и тактические планы комитетов, организаций и подразделений, при помощи которых программы реализуются. Немаловажным аспектом является характеристика индивидуальной мотивации боевиков, их интересов, потребностей и личностных качеств, что позволяет экстраполировать отдельный образ террориста на коллективный портрет.

¹⁴ Бриллиантов, Бурковская 2003. С. 105.

¹⁵ Коткин, Заводской 2010. С. 20

¹⁶ Василенко 2002; Дзиев, Иззатдуст, Киреев 2007.

Многообразие «средств и методов террористической борьбы» объясняется не только обширной разновидностью объектов и предметов, на которые насилие направлено, но и многочисленностью видов и способов политического экстремизма. Эта многочисленность различается по материальным и нематериальным средствам, видам оружия, характеру воздействия на объект террористического насилия.

Наряду с указанными понятиями, в современной террорологической и исторической литературе употребляются термины «террористическая кампания» и «террористическая война». Последний термин, понимаемый как «высшая форма политического экстремизма, связанная с формированием террористических армий и экстремистских властных структур в масштабах или отдельных регионов, или целых стран»¹⁷, применительно к российским событиям второй половины XIX – начала XX в. использовать нельзя, так как ни армий, ни региональных властных структур террористы не создавали. Но понятие «террористическая кампания» достаточно точно может обозначить исследуемые события. Оно выделяет отдельные исторические периоды и характеризует в них как единый процесс, активное и целенаправленное использование террористической деятельности, ответные меры и формы противодействия ей власти, и общественную реакцию и отношение к этому противостоянию со стороны населения. Таких террористических кампаний Российская империя пережила две. В 1878–1881 гг. политические потрясения были связаны с реализацией планов народнического терроризма, во вторую кампанию (1901–1911) терроризм осуществляли революционные группы различных партийных платформ. По масштабам деятельности, количеству жертв и участников вторая кампания на два порядка превосходит первую. Кроме того, в начале XX века в революционно-террористических событиях намного более активную роль играли социально-экономические факторы.

За многовековую историю политического насилия были разработаны различные теории тактического применения террористической борьбы. В некоторых из них террор фактически является не средством, а целью борьбы, становясь одним из стратегических методов социального реформирования, что было в мировой истории неоднократно продемонстрировано в форме государственного террора и в многочисленных примерах геноцида и социцида. Обоснование террористического метода борьбы в России предпринималось народниками П.Г. Зайчневским, С.Г. Нечаевым, П.Н. Ткачевым, Н.А. Морозовым, в бунтарских

¹⁷ Слинко 2006. С. 9.

утопиях анархистов и максималистов, в партийных программах и публицистике неонародников¹⁸. Позже эти идеи будут углублены теоретиками и практиками мирового терроризма – У. Майнхоф, Х.К. Маригеллой, Ф. Фаномом, Х. Ньютоном, Т. Негри, Э. Че Геварой, команданте Маркосом и др. Тактическое многообразие использования террористических актов и методов борьбы было неоднократно продемонстрировано в начале XX в. в российских революционных событиях. Сейчас это тактическое разнообразие во многом определяет наличие постоянных приверженцев этой формы политического экстремизма.

Наиболее сложной для анализа категорией является «результативность террористической деятельности», что не следует сводить к социально-психологическому «поражающему эффекту террора»¹⁹. Субъективность личной оценки терроризма и его реального значения в политическом процессе очевидна. Частные мнения (обывателей и известных людей) относительно, хотя среди этих мнений есть и компетентные, взвешенные суждения, как противников, так и независимых очевидцев. Убийство императора, покушения на министров и родственников царствующей фамилии по определению и статусу объектов покушения рассчитывались на кардинальные изменения в политике или, как минимум, на глубокий политический и общественный резонанс. Но покушения Г.Д. Леккерта²⁰, М.М. Спиридоновой²¹, Е.А. Измайлович²² и многие другие получили всероссийскую известность и политическое значение только в контексте последующих событий, которые изначально предугадать было невозможно. Большинство терактов представляли собой покушения на чиновников низового или среднего звена, мелкие экспроприации административных и коммерческих учреждений, которые приобрели свое политическое и общественное значение только в

¹⁸ Будницкий 2000.

¹⁹ Масалов 2009. С. 14.

²⁰ Член Бунда Г.Д. Леккерт выстрелами из револьвера ранил виленского губернатора В. фон Валя (05.05.1902). Теракт был ответом на репрессии в отношении демонстрантов, имел большое общественное значение и стал важным моментом в истории еврейского социалистического движения.

²¹ Эсерка М.М. Спиридонова смертельно ранила на перроне ст. Борисоглебск губернского советника Г.Н. Луженовского (16.01.1906). Опубликованное откровенное письмо об истязаниях террористки получило не только российскую, но и мировую известность, а сама террористка стала кумиром и символом революции.

²² Эсерка Е.А. Измайлович в Севастополе выстрелами из револьвера тяжело ранила командующего Черноморским флотом вице-адмирала Г.П. Чухнина (27.01.1906). По приказу адмирала без суда и следствия немедленно была расстреляна. Внесудебная расправа возмутила всю страну.

масштабах массового явления и общероссийской тенденции. Поэтому важную информацию могут дать количественные характеристики явления и сравнение динамики террористического и массового протестного движения. Эти сопоставления не только позволяют говорить о взаимовлиянии терроризма и развитии революционного процесса, но и представляют внутреннюю динамику террористической деятельности, позволяют отследить ее видоизменения относительно хода революции. В конечном итоге, учитывая субъективный характер терроризма и его опосредованное влияние на общественный процесс, можно говорить о продуктивности и общественном влиянии этого феномена, опираясь не только на количественные показатели и статистику, но и на анализ политических и общественных тенденций, которые формирует и на которые непосредственно оказывает влияние терроризм.

Представленные в статье понятийные категории не только позволят прояснить сущность российского революционного терроризма второй половины XIX в.л – начала XX в. и говорить о взаимовлиянии терроризма и революционного процесса, но и дадут возможность реконструировать внутреннюю динамику террористической деятельности и отследить ее видоизменения относительно хода революции. В конечном итоге, учитывая субъективный характер терроризма и его опосредованное влияние на общественный процесс, можно будет говорить об эффективности и общественном влиянии этого феномена, опираясь не только на анализ политических и общественных тенденций, которые формирует и на которые непосредственно оказывает влияние терроризм, но и на количественные показатели и статистику.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Артамонов Д.С.* Тираноборческие и террористические идеи в русской политической культуре первой четверти XIX в.: Автореф. ... дис. канд. ист. наук. Саратов, 2006. 20 с.
- Бриллиантов А., Бурковская В.* К вопросу о направлениях унификации законодательств государств-участников СНГ о борьбе с терроризмом и захватом заложников // Уголовное право. 2003. № 1. С. 105-107.
- Будницкий О.В.* Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология (вторая половина XIX – начало XX века). М.: РОССПЭН, 2000. 399 с.
- Василенко В.И.* Терроризм как социально-политический феномен. М.: Изд-во РАГС, 2002. 168 с.
- В. В-в. [Водовозов В.В.]* Террор в России // Энциклопедический словарь. Изд. Ф.А. Брокгауз и И.А. Ефрон. Т. 2А. Дополнительный. СПб.: Семёновская Типолиитография, 1907. С. 481-934.
- Витюк В.В., Эфирова С.А.* «Левый» терроризм на Западе: история и современность. М.: Наука, 1987. 318 с.

- Горбунов Ю.С.* Об определении понятия «террор» и «терроризм» // Журнал российского права. 2010. № 2. С. 31-40.
- Дзливев М.И., Иzzatdуст Э.С., Киреев М.П.* Современный терроризм: социально-политический облик противника. М.: Academia, 2007. 672 с.
- Квасов О.Н.* Террористическая экспроприация как форма революционной борьбы в Российской империи начала XX века // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов. 2011. № 3 (9). Ч. 1. С. 61-65.
- Коткин П., Заводской И.* Некоторые аспекты криминологической характеристики личности террориста // Вестник Уральского института экономики, управления и права. 2010. № 2-11. С. 18-23.
- Кузина С.И.* Институализация политического насилия // Философия права. 209. № 3. С. 48-51.
- Масалов А.Г.* Психологические аспекты политического террора // Философия права. 2009. № 6. С. 13-16.
- Могильнер М.Б.* На путях к открытому обществу: кризис радикального сознания в России (1907-1914 гг.). М.: ИЧП «Изд-во Магистр», 1997. 56 с.
- Одесский М.П., Фельдман Д.М.* Поэтика террора и новая административная ментальность: очерки истории формирования. М.: РГГУ, 1997. 204 с.
- Павлов Д.Б.* Эсеры-максималисты в первой российской революции. М.: Изд-во Всесоюзного заочного политехнического института, 1989. 238 с.
- Рязанов Д.В.* Идеи тираниды в политической и правовой культуре России XIX – начала XX века // Правовая культура. 2006. Т. 1. № 1. С. 49-58.
- Слинько А.А.* Политический экстремизм и террористическая война в панораме истории. Воронеж: Научная книга, 2006. 108 с.
- Perrie M.* Political and Economic Terror in the Tactics of the Russian Socialist-Revolutionary Party before 1914 // Social Protest, Violence and Terror in Nineteenth- and Twentieth-Century Europe. New York, 1982. P. 63-79.

BIBLIOGRAFIJA

- Artamonov D.S. Tiranoborcheskie i terroristicheskie idei v russkoj politicheskoj kul'ture pervoj chetverti XIX v.: Avtoref. ... dis. kand. ist. nauk. Saratov, 2006. 20 s.
- Brilliantov A., Burkovskaja V. K voprosu o napravlenijah unifikacii zakonoda-tel'stv gosudarstv-uchastnikov SNG o bor'be s terrorizmom i zahvatom zalozh-nikov // Ugolovnoe pravo. 2003. № 1. S. 105-107.
- Budnickij O.V. Terrorizm v rossijskom osvoboditel'nom dvizhenii: ideologija, jetika, psihologija (vtoraja polovina XIX – nachalo HH veka). M.: ROSSPJeN, 2000. 399 s.
- Vasilenko V.I. Terrorizm kak social'no-politicheskij fenomen. M.: Izd-vo RAGS, 2002. 168 s.
- V. V-v. [Vodovozov V.V.] Terror v Rossii // Jenciklopedicheskij slovar'. Izd. F.A. Brokgauz i I.A. Efron. T. 2A. Dopolnitel'nyj. SPb.: Semjonovskaja Tipolito-grafija, 1907. S. 481-934.
- Vitjuk V.V., Jefirov S.A. «Levyj» terrorizm na Zapade: istorija i sovremennost'. M.: Nauka, 1987. 318 s.
- Gorbunov Ju.S. Ob opredelenii ponjatija «terror» i «terrorizm» // Zhurnal rossijskogo prava. 2010. № 2. S. 31-40.
- Dzliev M.I., Izzatdust Je.S., Kireev M.P. Sovremennyj terrorizm: social'no-politicheskij oblik protivnika. M.: Academia, 2007. 672 s.

- Kvasov O.N. Terroristicheskaja jekspropriacija kak forma revoljucionnoj bor'by v Rossijskoj imperii nachala HH veka // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i juridicheskie nauki, kul'turologija i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. Tambov. 2011. № 3 (9). Ch. 1. S. 61-65.
- Kotkin P., Zavadskoj I. Nekotorye aspekty kriminologicheskoy karakteristiki lichnosti terrorista // Vestnik Ural'skogo instituta jekonomiki, upravlenija i prava. 2010. № 2-11. S. 18-23.
- Kuzina S.I. Institulizacija politicheskogo nasilija // Filosofija prava. 209. № 3. S. 48-51.
- Masalov A.G. Psihologicheskie aspekty politicheskogo terrora // Filosofija prava. 2009. № 6. S. 13-16.
- Mogil'ner M.B. Na putjah k otkrytomu obshhestvu: krizis radikal'nogo soznaniya v Rossii (1907-1914 gg.). M.: IChP «Izd-vo Magistr», 1997. 56 s.
- Odesskij M.P., Fel'dman D.M. Pojetika terrora i novaja administrativnaja men-tal'nost': ocherki istorii formirovanija. M.: RGGU, 1997. 204 s.
- Pavlov D.B. Jesery-maksimalisty v pervoj rossijskoj revoljucii. M.: Izd-vo Vsesojuznogo zaochnogo politehnicheskogo instituta, 1989. 238 s.
- Rjazanov D.V. Idei tiranicyda v politicheskoy i pravovoj kul'ture Rossii XIX – nachala HH veka // Pravovaja kul'tura. 2006. T. 1. № 1. S. 49-58.
- Slin'ko A.A. Politicheskij jekstremizm i terroristicheskaja vojna v panorame istorii. Voronezh: Nauchnaja kniga, 2006. 108 s.
- Perrie M. Political and Economic Terror in the Tactics of the Russian Socialist-Revolutionary Party before 1914 // Social Protest, Violence and Terror in Nineteenth- and Twentieth-Century Europe. New York, 1982. P. 63-79.

Квасов Олег Николаевич, кандидат исторических наук, доцент, Воронежская государственная лесотехническая академия, доцент кафедры философии и социально-гуманитарных наук, kvasovoleg@yandex.ru

Definitions and Conceptual Framework for the Description of Russian Revolutionary Terrorism

The article is devoted to the problem of the phenomenon of revolutionary terrorism in the Russian Empire in the second half of the 19th c. – early 20th c. The author interprets terrorism as a method of political struggle, which implies systematic escalation of violence in micro-level in order to solve a macro-problem. The basis of this definition is terrorism as active choice of violence. This definition works for all ways of terrorist crimes, and enables one to see separate offences. The approach based on the social action helps characterize main elements of terrorist activities of revolutionaries, and an original interpretation of the historical evolution of terrorism is offered. The diversity of 'ways and methods of terrorist activities' is explained not only by the variety of its objects but by numerous types of political extremism.

Keywords: *terrorist activity, revolutionary terror, subject and object of terrorism, Russian Empire of 19-20th centuries.*

Kvasov Oleg Nikolaevich, PhD in History, Senior Lecturer, Department of Philosophy and Humanities, Voronezh State Forestry Academy, kvasovoleg@yandex.ru